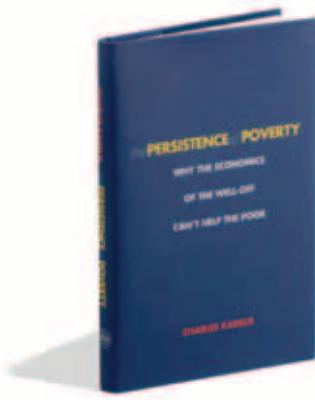

Помогая бедным

Charles Karelis

The Persistence of Poverty Why the Economics of the Well-Off Can't Help the Poor

Yale University Press, New Haven and London, 2007, 208 pp., \$30 (cloth).

Малоимущих много даже в богатых обществах. И хотя их положение, возможно, является относительно благоприятным по сравнению с малоимущими в бедных странах, оно значительно хуже, чем у их сограждан. Как следствие, они чувствуют себя изолированными и беспомощными. Иногда бедность является результатом потери трудоспособности или стихийного бедствия, однако многие малоимущие, по-видимому, не могут вырваться из порочного круга неполной занятости, недостаточного образования, злоупотребления алкоголем и наркотиками и преступности. Нередко они не в полной мере используют социальные услуги и другие возможности, существующие во многих странах с развитой экономикой.

Иrrационально ли поведение малоимущих?

Сохранившаяся стойкость бедности внушает тревогу по той причине, что мы сочувствуем малоимущим, а также потому, что бедность ассоциируется с деструктивным поведением, например, с преступностью. Кроме того, она является своего рода загадкой, поскольку, согласно традиционным экономическим представлениям, малоимущие должны иметь сильные стимулы к труду-устройству и получению образования и, в более общем плане, быть заинтересованными в том, чтобы улучшить свою жизнь. Если у человека низкие доходы, он должен придавать особое значение дополнительному заработка, который можно получить, увеличив количество рабочих часов, или будущей отдаче

от образования. Создается впечатление, что многие малоимущие ведут себя нерационально.

Чарльз Карелис, профессор философии в Университете Джорджа Вашингтона, написал заставляющую нас задуматься книгу, которая оспаривает традиционный взгляд на этот наболевший вопрос.

Для того чтобы объяснить удивительную стойкость бедности, утверждает Карелис, необходимо пересмотреть наше исходное допущение, согласно которому предельная полезность потребления, как правило, снижается вместе уровнем потребления. Напротив, для человека, живущего в бедности, предельная полезность дополнительной единицы потребления *возрастает*, говорит он. Если дела у вас идут плохо, небольшое увеличение потребления почти ничего не дает, но существенно большее увеличение приносит непропорционально значительные блага. Как следствие, малоимущие предпочитают менять уровень потребления и идти на риск ради того, чтобы освободиться от бедности (по крайней мере, на какое-то время).

Такая аргументация содержит в себе некоторое интуитивное правдоподобие. Рассмотрим тот факт, что малоимущие обычно очень азартно играют в лотерею, хотя ожидаемая прибыль от лотереи отрицательна. Они играют из-за весьма слабого шанса на выигрыш, который перевернет их жизнь. Более того, очень немногие стали бы играть в лотерею, если самый большой приз был бы равен 100 долларам, даже если бы число победителей во много раз увеличилось. Аналогично, искушение опорожнить целую бутылку водки, вместо того чтобы тянуть маленькими глотками бокал вина, может быть сильнее, когда требуется попотопить множество невзгод.

Из этой гипотезы напрашиваются непосредственные выводы для экономической политики. Попытки «заставить работу приносить заработка» путем субсидирования заработной платы, получаемой малоимущими (например, за счет налоговых кредитов по заработанным доходам), должны быть вдвое не эффективными. И это не только потому, что у малоимущих появится больше причин для того, чтобы работать, а не бездельничать, но и потому, что более высокие доходы как таковые повышают значимость, придаваемую ими труду-устройству и увеличению заработка. Однако даже прямая материальная помощь малоимущим, повышающая предельную полезность доходов, должна укрепить стимулы к труду-устройству и еще большему увеличению заработка (а также откладыванию сбережений на тяжелые времена).

Не все выводы для экономической политики являются в равной степени ободряющими. Например, из аргумента

тации Карелиса следует, что мероприятия по обеспечению самоподдержки, такие как создание учреждений микрофинансирования или кооперативных предприятий, едва ли будут успешными без значительных субсидий. До тех пор, пока люди остаются малоимущими, они не будут хорошими сберегателями, замещиками и инвесторами, так как они (rationally) предпочитают непосредственное потребление.

Пример с микрофинансированием указывает на заложенное в книге противоречие между повышенным вниманием, которое уделяется физической нужде, когда предельная полезность потреб

«Если дела у вас идут плохо, небольшое увеличение потребления почти ничего не дает».

ления, предположительно, возрастает, и рассмотрением бедности как относительного понятия, связанного с недостатком возможностей. В своих примерах Карелис делает основной упор на материальную необеспеченность. Но что если малоимущим в США больше всего не хватает уважения к самим себе и к себе в глазах других людей? Тогда субсидии и другие виды целевой помощи не особенно облегчат их положение и могут даже ухудшить его.

В защиту точки зрения Карелиса следует отметить, что другие объяснения стойкости бедности (такие как отсутствие возможностей) могут привести к схожим рекомендациям в отношении экономической политики. Но читатель (особенно если он экономист по образованию) будет разочарован чрезмерным вниманием автора к словам и несколько простыми графиками. Действительно, отдельные из высказанных здесь критических замечаний можно было бы предотвратить путем более строгого представления основной гипотезы и сравнением с альтернативными вариантами, сопровождающимся эмпирической проверкой.

И все же эти предложения не должны отвлекать от главного вывода: в любом объяснении стойкой бедности и в мерах политики, призванных освободить людей от нее, необходимо полностью учитывать воздействие самой бедности на побудительные мотивы малоимущих.

Дэниел Харди,
начальник отдела,
Департамент денежно-кредитных
систем и рынков капитала МВФ

Разъяснение экономики устойчивого развития

Mohan Munasinghe

Making Development More Sustainable

Sustainomics Framework and Practical Applications

MIND Press, Colombo, Sri Lanka, 2007, 650 pp., \$40 (paper).

Приняв в качестве постоянного эпитета словосочетание «устойчивое развитие», большинство исследователей первоначально никак не могли договориться о надлежащем определении того, что оно означает на практике. За этим быстро последовали другие проблемы, включая то, как разработать количественные показатели для соответствующих факторов, как найти общую меру для согласования часто противоречивых целей и как объяснить, почему столь многие из очевидных «беспрогрышных» решений проблемы дальнейшего устойчивого развития не приносят результатов. В последнее время большая проблема состояла в том, чтобы включить изменение климата в общую основу для анализа устойчивого развития.

Профессор Мунасингх, заместитель председателя Межправительственной группы по изменению климата ООН, который недавно, вместе со своими коллегами, разделил Нобелевскую премию мира 2007 года с Алом Гором, является давним поборником объединения экономических, человеческих и экологических аспектов развития. Для этой цели он разработал новую аналитическую основу, называемую «экономикой устойчивого развития». Его книга обобщает достижения в теории и практике экономики устойчивого развития и представляет собой итог чрезвычайно тщательного обзора научной литературы, оживляемого исследованиями на конкретных примерах.

В первой части книги Мунасингх объясняет сложные взаимосвязи, лежащие в основе экономики устойчивого развития. Не слишком неожиданный вывод состоит в том, что, по-видимому, не су-

ществует общепринятого показателя устойчивого развития, соответствующего показателям экономического развития.

Мунасингх предлагает альтернативные — и отнюдь не совершенные — механизмы, которые должны помочь исследователям включить ухудшение окружающей среды и социальные издержки в проводимый анализ. Он обсуждает аналитические границы отрицательных коэффициентов дисконтирования для долгосрочных задач и в какой-то момент даже как будто предвосхищает недавний доклад Стерна «Экономические аспекты изменения климата», в котором ставится задача построить экономическую теорию в соответствии с требованиями науки об изменении климата.

Практическое применение теории

Рассказав об ограничениях экономики устойчивого развития, Мунасингх приступает ко второй части книги, гораздо более увлекательной, с ее превосходными и разнообразными исследованиями на конкретных примерах.

Эти исследования демонстрируют, что рассматриваемая аналитическая основа стала, по крайней мере в некоторых случаях, достаточно надежной, чтобы позволять делать убедительные выводы. Например, мы узнаем, что Боливия не идет по пути устойчивого развития и что распределение эмиссии парниковых газов на душу населения дает наиболее высокий в среднем прирост благосостояния.

В книге также приводится первоклассный анализ транспортного сектора в Шри-Ланке, сводящий технические, экологические и социальные аспекты во впечатляющую количественную оценку издержек, которые несет здравоохранение в связи с загрязнением окружающей среды. Тот факт, что некоторые из этих выводов идут вразрез с очевидностью — например, одно из исследований выступает против электрификации железных дорог, — просто служит для того, чтобы подчеркнуть значение качественного анализа как основы для принятия решений.

Лучшие времена впереди

На протяжении всей книги чувствуется глубокий оптимизм Мунасингха: положение дел будет улучшаться по мере роста доходов и совершенствования политики в результате повышения информированности об экологических проблемах. Однако если учсть, что богатые люди наносят в 20–40 раз больше ущерба окружающей среде, чем малоимущие, действительно ли повышение доходов приведет к ее улучшению? Или же богатые страны «переведут» загрязнение в бедные страны или региональные или глобальные места общественного пользования?

Главное положение, выдвигаемое автором в поисках действенных ответов, состоит в важности интернационализации экологических и социальных издержек, преодоления неэффективности рыночных механизмов, ведущей к ухудшению окружающей среды, и включения всех внешних факторов в расчет цен природных ресурсов. Это положение подкрепляется хорошо представленным аналитическим инструментарием. Но почему это положение редко применяется на практике? Согласно Мунасингху, затраты на экологические усовершенствования, призванные смягчить ущерб от загрязнения окружающей среды, составляют всего 5 процентов инвестиционных расходов. Это заставляет задаться вопросом о том, почему уровень загрязнения в самых густонаселенных городах практически не подает признаков снижения.

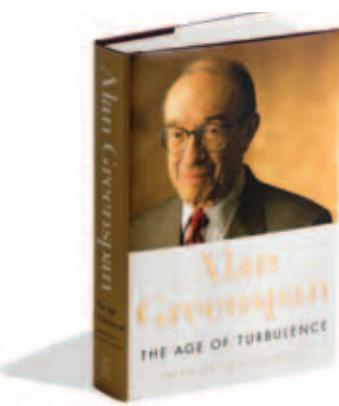
Таким образом, эта книга, с ее аналитическим инструментарием, реальными примерами практического применения и великолепной библиографией, послужит на пользу исследователю экономической политики. Вместе с тем, разработчик экономической политики, которому не так просто будет отыскать в ней какие-либо базовые общие правила, возможно, не будет вполне удовлетворен.

Книга лишь поверхностно затрагивает проблемы управления, хотя и признает, что при устойчивом развитии не существует ни единого директивного органа, контролирующего все соответствующие уровни, ни единого критерия, ни четкой системы измерения. Могущество тех, кто стремится к извлечению ренты (тех, кто живет на доходы от природных ресурсов и подрывает легитимные политические процессы) широко известно. Голоса тех, кто хотел бы изменить положение вещей, притом что некоторые из них, возможно, даже не родились на свет, слишком слабы, чтобы вызвать изменения.

Мунасингх обращается к ценностям, убеждениям и религии, которые должны создать лучшие стимулы для защиты окружающей среды ради будущих поколений и совершения коренного перелома в материалистическом подходе нынешних времен, непримлемом с точки зрения долгосрочной перспективы. Возможно, по ходу дела он упускает из виду необходимость уделять больше внимания (с большим числом примеров) роли деятельности по защите общественных интересов, основанной на тщательном анализе информации, и активной судебной системы в достижении перемен.

Ананд Сет,
директор странового отдела,
Регион Южной
и Центральной Европы,
Всемирный банк

Гринспен покидает сцену

Alan Greenspan

The Age of Turbulence Adventures in a New World

Penguin Group, 2007, 531 pp., \$35 (cloth).

На рекламном мероприятии, посвященном выходу его новой книги, Алана Гринспена спросили, как он чувствует себя теперь, когда он уже не председатель Федеральной резервной системы. «Должно быть, испытываете легкое головокружение?» — предположил задавший вопрос. «Нет, — ответил Гринспен, — ощущение такое, как будто груз свалился с плеч». Читая эту книгу, понимаешь облегчение, испытываемое Гринспеном: после почти двух десятилетий, в течение которых ему приходилось взвешивать каждое решение и слово, у него наконец появилась возможность выговориться так, как ему хочется, — в почти двухстах тысячах слов.

Книга делится на две равные части: автобиографию и серию очерков по экономическим вопросам. Первая часть сама по себе составляет отдельную и весьма увлекательную книгу. Гринспен повествует о своей жизни просто и занимательно. В детстве, проведенном в Нью-Йорке, он обожал математику и музыку, а также бейсбольную команду «Нью-Йорк Янкис». «Я учил дроби, вычисляя среднее число попаданий битой по мячу: 3 на 11 равно 0,273», — пишет он.

Джазовый музыкант, ставший экономистом

Гринспен вначале хотел стать джазовым музыкантом. Во время гастролей с оркестром Генри Джерома его называли «интеллектуалом ансамбля», так как в перерывах между выступлениями он читал книги о фондовом рынке и финансистах. Довольно скоро он отказался от идеи делать карьеру в музыке и обратился к экономике. На раннем этапе его взгляды формировались

под влиянием двух известных экономистов — Джейфри Мура и Артура Бернса. Благодаря Муру Гринспен приобрел интерес к основам американской экономики, а Бернс внушил ему веру в то, что рынки способны самокорректироваться. Приверженность Гринспена идеям свободной конкуренции подкреплялась тем, что он называет, говоря о философе Эйн Рэнд, «согласием умов» — «в основном мой ум соглашался с ее умом».

Гринспен нашел свое призвание — быть экономическим консультантом — уже в 1950-е годы. В течение двух последующих десятилетий его консалтинговая фирма «Таунсенд-Гринспен» сформировала внушительный список клиентов среди первоклассных компаний США. Попутно Гринспен писал статьи по экономическим вопросам, которые усиливали внимание к нему со стороны политических кругов. Гринспену довелось работать в различных должностях при президентах Никсоне и Форде, но только президент Рейган в 1987 году назначил его на главную роль в его жизни — председателя Федеральной резервной системы.

От крахов к «пузырям»

Вера Гринспена в тенденцию рынков к самокорректировке подверглась испытанию вскоре после его вступления в эту должность: таким испытанием стал крах фондового рынка в октябре 1987 года, принесший самые крупные за всю историю фондового рынка убытки в масштабах одного дня. Гринспен сделал необычайно четкое заявление, которое состояло всего из одного предложения и подтверждало намерение ФРС предоставить ликвидность рынкам по мере необходимости, в соответствии с ее ролью кредитора по последней инстанции. «Это заявление было кратким и выразительным, как Геттисбергское обращение, — говорит он, — хотя, возможно, и не таким волнующим». В годы, последовавшие за крахом 1987 года, Гринспен продолжал подвергаться испытаниям. Он не сразу признал спад экономической активности 1990-х годов и, возможно, слишком медленно снижал процентные ставки. Таково, несомненно, было мнение бывшего президента Джорджа Буша, который впоследствии сказал о Гринспене: «Я повторно назначил его, а он разочаровал меня».

Для Гринспена более удачными оказались годы правления Клинтона, когда ограничение бюджетного дефицита позволило снизить инфляционные ожидания, и как следствие, долгосрочные процентные ставки. Гринспен дополнял эту похвальную налогово-бюджетную политику все более решитель-

ным проведением денежно-кредитной политики. Убежденный в том, что инфляция возвращается, Гринспен поручил Федеральному комитету по открытым рынкам повысить процентные ставки в 1994 году, «спроектировав», таким образом, замедление экономики без спада — «плавное снижение». Затем он снизил ставки, и темпы роста вновь повысились практически без каких-либо признаков инфляции.

В середине 1990-х годов Гринспен убедительно утверждал, что экономика США переживает беспрецедентный бум производительности, который не признается государственными статистиками и учеными. Предъявленные им доказательства помогли Гринспену убедить его коллег по ФРС поддерживать процентные ставки на более низком уровне, чем они, возможно, предпочли бы в противном случае.

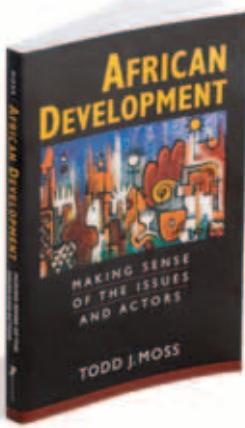
Вместе с тем эти более низкие процентные ставки и защита Гринспеном так называемой новой экономики могли также способствовать образованию «мыльного пузыря» на фондовом рынке. В своей знаменитой речи об «иррациональном изобилии» Гринспен пытался предостеречь от эйфории, но в конечном счете решил, что ФРС была не в состоянии определить в режиме реального времени, действительно ли на рынке образовался «мыльный пузырь» и каким образом можно было «проколоть» его.

Хорошие средние результаты попадания

В очерковом разделе своей книги Гринспен высказывает глубокую озабоченность относительно растущего неравенства доходов в США, запаздывающих реформ системы социального обеспечения и Medicare, борьбы за поддержание баланса в системе регулирования после корпоративных скандалов и «зависимости от нефти», в которую впала его страна. Но экономика США, несомненно, сегодня была бы в гораздо более худшем состоянии, если бы не успешные «подачи» Гринспена в качестве председателя ФРС. Бывший заместитель председателя ФРС Алан Блайндер по праву сравнивал эпоху Волкера-Гринспена с тем, «как повезло команде «Нью-Йорк Янкис», когда ей удалось заменить Джо ДиМаджио на Мики Мэнтла в позиции центрового игрока». В проведении денежно-кредитной политики, как и в бейсболе, величие не требует среднего результата в 1000 очков.

Пракаш Лунгани,
начальник отдела, Департамент
внешних связей МВФ

Объясняя Африку

Todd J. Moss

African Development

Making Sense of the Issues and Actors

Lynne Rienner Publishers, Inc., Boulder, Colorado, 2007, 250 pp., \$22 (paper).

Первые годы после обретения независимости странами Африки к югу от Сахары были обнаде-

живающими, и вскоре возникла индустрия международного развития, призванная помочь этим новым странам. Но, как всем известно, опыт стран Африки к югу от Сахары принес глубокое разочарование. Несмотря на повышение темпов экономического роста в последнее время, большинство стран вряд ли достигнет к 2015 году Целей в области развития Декларации тысячелетия.

Книга Тодда Мосса не содержит ни решений, ни однозначных ответов на вопрос о причинах столь плохих экономических показателей Африки. Вместо этого она «призвана дать простое, но, хотелось бы надеяться, не слишком упрощенное введение в основные темы, тенденции и круг участников современного этапа развития Африки». И автору это в большинстве случаев удается.

Крупные фигуры и плохое наследие

Мосс представляет динамичное описание развития в странах Африки к югу от Сахары, начиная с обзора наследия колониализма, роли «крупных фигур» и единоличного правления, конфликта и гражданской войны, современных политических перемен и демократизации. Он рассматривает основные вопросы

развития, включая загадку медленного экономического роста, проблемы экономической реформы и роль международной помощи. В заключение он рассматривает регионализм и место стран Африки к югу от Сахары в мировой экономике.

В книге четыре основных темы. Во-первых, у стран Африки к югу от Сахары несчастливая история, и эти страны подвержены влиянию многочисленных структурных факторов, препятствующих развитию, однако задача заключается в использовании других преимуществ региона и стремлении обойти эти препятствия. Во-вторых, преобразование африканского государства в целях усиления подотчетности и улучшения управления ресурсами является залогом привлечения более значительных потоков средств на цели помощи. В-третьих, необходимо увеличить объем помощи, повысив при этом ее эффективность. Наконец, африканский регион и мир в целом разделяют ответственность за обеспечение использования этим регионом глобальных экономических возможностей.

Мосс подчеркивает, как мало нам известно о процессе развития и факто-рах, определяющих эффективность помощи. Он со знанием дела представляет

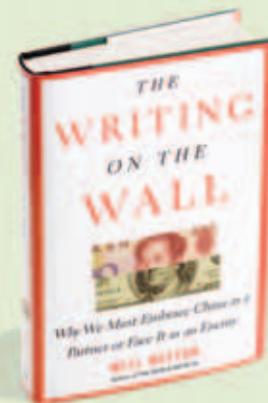
Китай на подъеме

Коренное преобразование Китая, который был страной с отжившей системой централизованного планирования и стал четвертой по размеру экономикой мира, — одна из увлекательных историй нашей эпохи. Действительно, это превращение оказалось настолько радикальным, что даже поставил вопрос: станет ли XXI век китайским, подобно тому, как XX век был американским, а XIX — британским? Книга *The Writing on the Wall* («Письмена на стене») написана экономистом и журналистом Уиллом Хаттоном как прямой ответ на этот вопрос, причем с повествовательным мастерством, не всегда присущим экономической и политической литературе. Его аргументы опираются на глубокое изучение вопроса, а мысли, несмотря на некоторые отклонения от темы, изложены четко.

По существу, это две книги, одна из которых посвящена политическим и экономическим преобразованиям Китая и их влиянию на остальной мир. В ней рассматривается возможность сохранения Китаем высоких темпов экономического роста при однопартийной системе. На это наслаждаются несколько

менее удачное освещение экономического и политического плюрализма.

Любому читателю, которого интересует четкое и точное объяснение экономических успехов Китая и стоящих перед ним задач, будет полезна первая половина этой книги. Хаттон начинает с краткого, но ясного изложения истории Китая и его взаимодействия с остальным миром. Это изложение охватывает экономические трудности времен Председателя Мао, в том числе массовую реорганизацию средств производства на раннем этапе, Большой скачок и политику радикального эгалитаризма. В результате серьезных неудач этого периода сложилось общее мнение о необходимости провести реорганизацию экономики, которую возглавил в 1978 году Ден Сяо-Пин, архитектор современного Китая. Ряд реформ, устранивших централизованное планирование и создавших условия для рыночной деятельности, способствовал резкому повышению темпов экономического роста, которое продолжается тридцать лет. В новом столетии Китай приступил к либерализации внешней торговли с ошеломляющим успехом, а обильный приток иностранных инвестиций помог в одночасье превратить страну в массового «сборщика» потребительских товаров мира.

Will Hutton

The Writing on the Wall

Why We Must Embrace China as a Partner or Face It as an Enemy

Simon & Schuster Trade, New York, 2006, 432 pp., \$28 (cloth).

Повествование Хаттона отличается проницательностью. В отличие от Восточной Европы, движение Китая к рыночной экономике не шло по пути нисходящей радикальной реформы. Скорее, Китай избрал прагматический и постепенный (или, как утверждает

различные, порой противоречивые точки зрения. При этом он все время стремится иллюстрировать проблемы, а не предлагать «чудодейственные средства» для их решения.

Но этот метод «обзора» имеет и свои недостатки. МОСС не всегда в достаточной мере критикует различные взгляды в научной литературе, и в результате читателю неясно, что считать правильным. Например, почему «проклятие природных богатств» ведет к конфликту? Вызвано ли это борьбой за ренту, отсутствием подотчетности или слабостью институтов? Кроме того, представляется, что МОСС иногда противоречит сам себе. Например, из его обсуждения этнической принадлежности и конфликта можно сделать вывод том, что этническая принадлежность не является важной составляющей конфликта. При рассмотрении же альтернативных форм управления и напряженности между этими формами и либеральной демократией он утверждает, в частности, что «большинство прошлых и нынешних конфликтов в Африке включает определенный этнический или языковой компонент».

Удивительно то, что в главе, посвященной загадке медленного экономического роста Африки, не рассматрива-

ются примеры стран, наделенных значительными природными ресурсами, такими как сырая нефть и алмазы. Такой анализ помог бы получить представление об уникальных проблемах, стоящих перед этими странами.

Рассматривая экономическую реформу и политику стабилизации, МОСС не всегда уверен в своих аргументах. С одной стороны, он утверждает, что предъявляемые условия (например, в связи с кредитами МВФ) оказались «почти полной неудачей». С другой стороны, он признает, что структурная корректировка заметно улучшила макроэкономическое управление во всей Африке. Неясно при этом, какую роль сыграли предъявляемые условия. В настоящее время практически никто из разработчиков политики в Африке не оспаривает, что реформы первого поколения, например, на достижение бюджетной дисциплины и обуздание инфляции, помогли создать условия для высоких темпов роста, которые в настоящее время наблюдаются в регионе.

Роль торговли

МОСС приводит убедительные доводы в пользу дальнейшей интеграции стран Африки к югу от Сахары в сис-

тему мировой экономики. Но обсуждение потенциальных выгод от внутрирегиональной торговли в Африке разочаровывает. Он мог бы подчеркнуть, что многочисленные региональные торговые соглашения не позволили стимулировать торговлю в регионе. В настоящее время действует более 30 тридцати таких соглашений, и каждая страна участвует по меньшей мере в четырех из них. В результате сложились пересекающиеся и порой противоречивые обязательства. Сложные и ограничительные правила в отношении страны происхождения, наряду с другими внутренними барьерами, удерживают внутрирегиональную торговлю на относительно низком уровне по сравнению с другими развивающимися регионами.

Несмотря на эти недостатки, книга послужит прекрасным учебником для тех, кто изучает развитие Африки, а раздел с перечнем дополнительной литературы, следующий за каждой главой, предоставляет больше ресурсов желающим углубиться в изучение этих проблем.

Калвин Макдоналд,
советник,

Департамент стран Африки МВФ

Хаттон, частичный и реактивный) подход к реформам «снизу вверх», то есть, по выражению Ден Сяо-Пина, «переходил реку, нащупывая камни под ногами», и этот процесс продолжается по сей день. Хаттон также подчеркивает роль случайностей, в значительной степени объясняющих успех, в частности, удивительно быстрого роста числа мелких сельскохозяйственных производителей, большого пула сбережений, обеспечившего возможность для устойчивых инвестиций, и развития глобализации.

Наряду с ярким освещением успехов периода реформ хорошо изложены и задачи, стоящие перед Китаем в настоящее время. Коммунистическая партия, идеологическая база которой подорвана вследствие принятия ею рыночного пути экономического роста, отстаивает свою легитимность и сталкивается с социальной напряженностью, вызываемой растущей неравномерностью в распределении доходов, коррупцией, расхищением земель и ухудшением качества окружающей среды. Возникает напряженность и в экономике. Усиливающееся давление протекционизма за рубежом угрожает росту экспорта Китая, тогда как из-за огромных масштабов расточительства в экономике рост объ-

ема производства все больше зависит от неустойчиво высокого уровня инвестиций, вместо того чтобы опираться на повышение производительности.

При сложившейся экономической и политической напряженности возмож-

«Хаттон считает, что попытки Коммунистической партии перебалансировать экономику не принесут устойчивых результатов».

ны ли и в будущем столь же выдающиеся экономические показатели Китая? Хаттон отвечает на этот вопрос так: они невозможны без радикальных политических перемен. Несмотря на рыночные реформы, Коммунистическая партия все еще удерживает в своих руках нити контроля над всеми важными рычагами экономической деятельности, начиная с банковской системы, которая поддерживает инвестиции в крупных отраслях промышленности, и заканчивая частным сектором. Более того, партия счи-

тает такой контроль необходимым для обеспечения высоких темпов экономического роста в краткосрочной перспективе, столь важных для ее легитимности.

Однако «машина» экономического роста замедляет набранные обороты, обрекая экономику Китая на низкую производительность и низкий уровень инноваций. Для того чтобы вновь запустить эту машину, потребуется «мягкая» институциональная инфраструктура, сопровождающая успешный капитализм: беспристрастные суды, четкие права собственности, независимые банки и аудиторы, свободная пресса, эффективное корпоративное управление и свобода интеллектуальных исследований. Хаттон считает, что попытки Коммунистической партии перебалансировать экономику не принесут устойчивых результатов, а необходимые перемены существенно повлияют на способность партии управлять Китаем как авторитарным государством с однопартийным режимом. Это, в свою очередь, определит дальнюю реакцию мира на «Китайский век».

Брайен Эйткен,
заместитель начальника отдела,
Департамент стран Азиатско-тихоокеанского региона МВФ